

Излить из сосуда – значит его испортить. Конечно, сцена, представшая перед моими глазами, когда я фотографировал тайные прелести милой Луизы, развеяла всю эту мою философию, и, как только я остался один, я не мог удержаться от того, чтобы не осквернить самого себя, пока обильная разрядка не избавила меня от крайнего возбуждения. Признаюсь также, что однажды, читая "Петрония", где наставник соблазняет свою прекрасную ученицу после обеда, когда губернатор заснул, я стал таким ужасно возбужденным, что восхитительная смазливость описания и волнующий способ, которым он соблазняет свою прекрасную ученицу, подгоняя ее к своей цели, так одолел меня, что я расстегнул бриджи и не мог не предаться восхитительному извержению, быстро вызванному несколькими энергичными подергиваниями моего пульсирующего органа. И в любом из этих случаев вы, мой глупый критик, поступили бы точно так же. Но, шутки в сторону, и невзирая на случайные промахи, я решительно противлюсь на всех основаниях этому слабохарактерному и действительно безвкусному пороку, столь же губительному для источника и силы наслаждения, которые заключаются в действительном союзе полов.

Однако, возвращаясь к моему рассказу, позвольте мне рассказать вам, что произошло, когда Том в тот же день увидел великолепную фотографию Луизы.

Во-первых, я должен пересказать то, что я написал бы вам в моем последнем письме, если бы отношение к этой сцене так не одолело меня, что я не смог продолжать и был вынужден облегчиться от разрывающих меня чувств, как было описано выше. Вернувшись, после того как сделали снимок, мы сели вместе на диван, и милая девушка со всей наивностью и доверием обвила меня руками за шею и долго и нежно целовала. Несмотря на то, что в дополнение к топливу, которое уже разожгло мои страсти, я сумел сдерживать любую внешнюю демонстрацию, желая завоевать ее полное и безудержное доверие, чтобы я стал, так сказать, ее духовником, которому она могла бы открыть все тайны своих самых сокровенных мыслей, и мне это вполне удалось. У нас был долгий разговор самого частного характера. Передо мной открылся ум девушки (или, вернее, женщины), обладавшей весьма богатым воображением и склонной к любовным отношениям, проявлявшей живейшее любопытство к различиям и отношениям между полами. Однако она, по-видимому, была почти невинна в этом великом ощущении. После того как я удовлетворил ее любопытство относительно полов, их взаимных желаний и способов их удовлетворения, как в парах, так и наедине, она призналась, что ее охватил странный трепет, когда она увидела наготу в наших публичных коллекциях, и что, побыв несколько минут наедине с прекрасным молодым Антиноем в Лувре, она была так взволнована, что после обеда поднялась в свою комнату, заперла дверь и посмотрела на свою обнаженную фигуру точно так же, как я посадил ее перед зеркалом в своем кресле. Она опустила руку и прижала ее к возбужденному секретному месту и попыталась вставить туда палец, но ей было больно. Она толкнула его еще глубже и обнаружила, что он упирается во что-то твердое, что вызвало у нее необычайное, почти непреодолимое ощущение. Она думала, что сейчас упадет в обморок, но внезапно почувствовала облегчение и обнаружила, что все ее эти части тела совершенно мокрые. Она была очень встревожена и испугана этим и подумала, что, должно быть, как-то поранилась, и не осмелилась никому сказать об этом дома. Теперь она хотела узнать от меня, как это могло случиться. Я все полностью ей объяснил.

- Но разве это у Антиноя может войти... войти в... - она запнулась, - в... вы понимаете, о чем я?

Я сказал ей, что от возбуждения "это" набухает, становится жестким и торчит, и объяснил, что, если двигать им туда и сюда внутри ее собственной штучки, это вызовет безграничный восторг. Все это было ясно прояснено, и я сказал ей, что новая фотография даст милому Тому некоторое облегчение в его сильном волнении, которое необходимо как-то унять. Результатом всего этого стало мое обещание сфотографировать для нее Тома. Но она нерешительно добавила:

- Вы знаете, что он должен быть ... как вы это называете? — Я имею в виду, чтобы у него, как вы описали, торчал, знаете ли, и, если, глядя на эту мерзкую фотографию, можно сделать его таким, то он должен быть так же показан мне, как я ему.

<http://erolate.com/book/2051/57738>